

Д. М. ШАРЫПКИН

РАДИЩЕВ И РОМАН МАРМОНТЕЛЯ „ВЕЛИЗАРИЙ“

А. Н. Радищев нигде не говорит о своем интересе к романам французского писателя Жана-Франсуа Мармонтеля (1723—1799), между тем имеются основания предполагать, что к его творчеству автор «Путешествия из Петербурга в Москву» не был безразличен.¹ Друг Вольтера, историограф короля и секретарь Французской академии, плодовитый романист, новеллист, драматург и критик, Мармонтель пользовался громкой прижизненной славой.² Особенно знаменит был его роман, принесший ему успех и признание как в Западной Европе, так и в России и озаглавленный «Велизарий».³ Этот философско-политический трактат, который можно называть романом лишь условно (интрига и фабула в нем едва намечены), посвящен столь волновавшей просветителей проблеме воспитания просвещенного монарха. «Урок государю» и составляет главное содержание этого сочинения. Устами византийского мудреца, государственного мужа и полководца Велизария Мармонтель местами велеречиво и многословно, но местами вдохновенно и с пафосом, поучает византийского императора Юстиниана и одного из его преемников, Тиверия, а с ними и европейских монархов, заставляя своего героя произносить просветительские речи по вопросам государственно-политическим, социальным и религиозным. Сам роман был задуман как «катехизис царей».⁴ Велизарий — как бы собирательный образ французского философа-просветителя «старшего поколения». Вольтер всемерно способствовал успеху романа, славы которому прибавили и гоне-

¹ О популярности Мармонтеля в России см.: *Сиповский В. В.* 1) Из истории русского романа и повести. Ч. 1. XVIII век. СПб., 1903, с. 242—244; 2) Очерки из истории русского романа, т. 1, вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909, с. 78.

² См.: *Lenel S.* Un homme de lettres au XVIII siècle, d'après des documents nouveaux et inédits. Paris, 1902.

³ *Bélisaire* par M. Marmontel de l'Académie française. A Paris, MDCCCLXVII.

⁴ См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер. Переведен на Волге. — Заря, 1869, май, с. 38.

ния католической реакции (Сорбонна и парижский архиепископ приостановили распространение этой книги, проповедующей веротерпимость, успевшей уже разойтись в нескольких десятках тысяч экземпляров).

Вольтер и его окружение, в эти годы возлагавшие на Екатерину II большие надежды, особенно желали, чтобы она познакомилась с «Велизарием». Мармонтель через И. И. Бецкого поспешил переслать свое сочинение императрице, осуществлявшей в то время реформы в просветительском духе — секуляризацию церковного землевладения, созыв Комиссии для составления нового Уложения... Екатерина повелела перевести роман, запрещенный во Франции. Тем самым российская императрица представала перед всей Европой и собственными подданными в роли просвещенной государыни, исповедующей принципы Велизария, и его авторитетом освящала самодержавную власть. Екатерина разделила главы романа между двенадцатью своими приближенными, и они, как писала она Мармонтелю, «были так восхищены чтением этой книги, что согласились употреблять свои часы досуга на перевод Велисария по-русски».⁵ Осенью 1768 г. эта книга вышла в свет.⁶ Она была плохо отредактирована: в разных главах Велизарий именуется то Велизером, то Велизаром, то Велизаром, то Велисарием. Переложение было буквалистским, изобиловало галлицизмами; в подборе русских эквивалентов французским философско-политическим терминам переводчики затруднялись. Но они добросовестно перелагали оригинал, ничего не выпуская (как нам удалось установить путем сличения текстов).

Осуществлением этого издания Екатерина гордилась и старалась, чтобы это деяние было воспринято в Западной Европе должным образом.⁷ Императрица писала Мармонтелю 7 мая 1768 г.: «Велисарий утвердил меня в мнении, что нет прямой славы, кроме той, которая происходит от начал, Велисарием приятно и основательно изъясненных».⁸ Д. А. Голицын убеждал Мармонтеля, что

⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 10. СПб., 1872, с. 268.

⁶ Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. Печатан при имп. Московском университете 1768 года. Этот перевод при жизни Радищева переиздавался трижды: один раз в Петербурге (1773), второй раз в Вене (1777), третий опять в Москве, в типографии Новикова (1785). Кроме того, через год после появления «Велизера» вышел другой русский перевод того же романа, выполненный П. П. Курбатовым: Велисарий, сочинение г. Мармонтеля, академика французского. С амстердамского 1767 года издания, переведено в Москве в том же году (*так!*). СПб., печ. при имп. Акад. наук, 1769. При жизни Радищева эта книга переиздавалась трижды (1786, 1791, 1796).

⁷ Н. М. Карамзин говорил в «Историческом похвальном слове Екатерине II»: «Европе известно, что Екатерина, плывя по величественной Волге, в то самое время, когда сильная буря устрашала всех бывших с нею, спокойно переводила Велисария, к бессмертной славе Мармонтеля» (Сочинения Карамзина, т. VIII. СПб., 1835, с. 93).

⁸ Дух Екатерины великия... или Черты и анекдоты, изображающие характер, славные деяния и великие добродетели сей бессмертныя монар-

государыня желает познакомить всех своих подданных с «Велизарием», «с тем, говорит она, чтоб мои подданные узнали, какие узы нас соединяют с ними».⁹ В Посвящении книги (епископу Тверскому Гавриилу) многозначительно говорилось: «Наставления Тиверию можно именовать наставлениями всем государям и всему роду человеческому».¹⁰

Екатерина самолично перевела девятую главу, играющую важную роль в композиции романа. Мармонтель разъяснял в письме к императрице от 12 сентября 1768 г.: «В главе IX я говорю: только сила закона имеет власть неограниченную, а человек, который хочет царствовать самовластно, становится невольником. Государь должен заботиться далее всего об одном союзе — о союзе с народом своим: государь и народ нераздельны: связь их составляет силу государства; на ней основаны его величие, его спокойствие, его слава. И вот эту главу ваше величество усваиваете и благоволите освятить (*consacrer*) собственным переводом, дабы, по словам вашим, подданные ваши узнали, какие узы соединяют вас с ними <...> Эти слова следовало бы иссечь на меди и запечатлеть во всех сердцах. Сколько величия в этом героическом чистосердечии!».¹¹

Таким образом, «Наказ» (подобно «Велизария», также компиляция из просветительских трудов) как бы прозвучал вновь, но уже облеченный в образную художественную форму. «Велизария» в XVIII в. читали и перечитывали; среди русских писателей появились подражатели Мармонтелю.¹² Его расхваливали масоны.¹³ С другой стороны, М. М. Щербатов осуждал Екатерину за ее заигрывания с Вольтером и Мармонтелем.¹⁴ Выражая офици-

хини, ч. 1. СПб., 1814, с. 96. Свою переписку с Екатериной в 1767—1768 гг. Мармонтель тотчас же опубликовал. Сообщение об этом см.: Мармонтель. — Отечественные записки, 1853, ноябрь, с. 42.

⁹ См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 46.

¹⁰ Велизер... , с. 4.

¹¹ См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 46—47. См. также: *Lurivièrre Ch.* Catherine II et Marmontel. — *Revue des Etudes russe*, 1899, nov., p. 65—70.

¹² Например, М. Прокудин признавался в предисловии к своему роману «Валерия, или Действие души великой и благородной» (1773): «Правда, что я, сочиняя Валерию, подражал г. Мармонтелю» (см.: *Сиповский В. В.* Из истории русского романа и повести. Ч. 1, XVIII век, с. 218).

¹³ Неизвестный переводчик Мармонтеля писал в «Послании другу. Любезному приятелю Григорию Савичу г. Сквороде дружеском приношении»: «Тонкие и пространные мысли г. сочинителя сего издания, довольно известны свету представлением премудрого и похвального Велизария <...> Связанная отличною благопристойностию воляньство его понятый есть тонкая сила вкуса сокровенного просвещения <...> Тайнейшее Существо ясных истины благоволит сойти с вездесущего престола неизмеримого правосудия» (Испытанное дружество, сочинение г. Мармонтеля. Перевел с французского языка М. К. СПб., 1771, с. 5—6).

¹⁴ «Многие книги Вольтером, разрушающие закон по ее велению, были переведены, <...> а Велизер Мармонтелев, не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской, не

альную точку зрения, О. П. Козодавлев заявлял: «Перевод „Велисария“ останется в Российской истории бессмертным, и будет служить доказательством, что в век Екатерины Второя в России были правила Велисария в почтении и что она подданным своим истинну слушать не только не запрещала, но и старалась во всяком случае открывать оную пред ними, яко источник человеческого блаженства».¹⁵

Тем самым перед Радищевым открывалась прекрасная мишень для полемиического пародирования. Екатерина II неосторожно уподобила себя Тиверию II, клявшемуся в верности заветам Велизария, а затем забывшему свои обещания. В главе, которую перевела императрица, Велизарий закликает Тиверия II иметь «в омерзении неосновательные доносы, ободрять и защищать тех, кои открывают явно злоупотребления <...> сие то называю я любовью к истине <...> Государь, которой, сам себя позабыв, упражнялся бы только в благополучии народа, несравненно меньше подвергался бы опасностям, нежели тиран сумнительствами, подозрениями и хитростями наполненной. Но его устрашают, приводят в робость и заставляют его взирать на своих подданных, как на злодея, которого он опасаться должен. <...> Уверяют государя, чтоб он всегда был осторожен против многочисленных людей непокоривых, беспокойных и возмутительных, заставляют его верить, что ему должно иметь силы для супротивления им. И так вооружается он против своего народа».¹⁶ Тем самым Екатерина клялась заботиться о благополучии своих подданных, доверять им и не вооружаться против них, но клятвы своей не исполнила. Радищеву «Велизарий» мог пригодиться потому в особенности, что роман был переведен по инициативе «русского Тиверия» — Екатерины II.

Здесь мы подходим к одной из главных проблем нашего исследования: что значил Мармонтель для Радищева, какая между ними связь? Говорить о литературном влиянии на него французского писателя у нас нет оснований. Радищев активен и самобытен даже тогда, когда сознательно усваивает идейно-художественный опыт таких великанов, как Вольтер и Руссо. Сочинения Мармонтеля мерцали отраженным светом их идей, а Радищев был достаточно хорошо знаком с литературой французского Просвещения, чтобы в необходимых случаях обращаться прямо к первоисточникам.

Нет основания говорить и о типологической близости «Путе-

только обществом по ее велению был переведен, но и сама участницею перевода оного была» (Сочинения М. М. Щербатова, т. 2. СПб., 1898, стб. 243).

¹⁵ Козодавлев О. П. Историческое начертание о распространении просвещения в Европе от разрушения Римския империи до наших времен. — Растущий виноград, 1785, апрель, с. 100.

¹⁶ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина, т. V. СПб., 1903, с. 8—9, 11.

шествия» к «Велизарию». Г. Гуковский правильно отметил, что книга Радищева, «несомненно, задумана и исполнена как художественное произведение так же, как и „Велизарий“ Мармонтеля. <...> Вся она пропитана публицистикой, политикой, идеями о воспитании, философией»,¹⁷ но этим исчерпывается сходство между обоими произведениями. Политические взгляды и положительный общественный идеал Радищева — русского революционера отличны от мирозерцания умеренного французского просветителя. Местный колорит и даже пейзаж в «Велизарии» отсутствуют почти совершенно. Герой в рубище переходит из одного поселения в другое, но о них читателю не сообщается ничего, подчеркивается лишь контраст между убогой внешностью Велизария и величием его души. «Путешествие» же Радищева дает конкретное и яркое изображение русской действительности. У Мармонтеля больше условных романических ситуаций (например, переодевание византийского императора в крестьянское платье), чем у Радищева. В отличие от «Путешествия» в «Велизарии» «нет ни драматического интереса, ни движения и очень мало художественности».¹⁸ Слова А. С. Пушкина, что в «Путешествии» «порывы чувствительности, жеманности надутой, иногда чрезвычайно смешны»,¹⁹ более приложимы именно к «Велизарию». Обыгрывая просветительские сентенции Велизария, в устах императрицы и ее вельмож звучащие лицемерно и комично, Радищев, блестящий полемист и публицист-художник, мастерски использует приемы сатирического пародирования.

Принято считать, что Радищев «не мог найти поддержки ни у кого из французских писателей в таком важном вопросе, как отношение к крестьянству».²⁰ Это не совсем так: поддержку в этом важнейшем вопросе, поставленном в «Путешествии», Радищев мог найти у автора «Велизария».

Мармонтель сочувствовал крестьянам, во Франции еще не освободившимся от пережитков крепостного права. В 1767 г. Вольное экономическое общество, объявившее ранее конкурс на лучшее сочинение о праве собственности крепостных крестьян,²¹ получило более двадцати трактатов по этому вопросу, присланных фран-

¹⁷ Гуковский Г. Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 183.

¹⁸ Щабельский П. К. Екатерина II как писательница. IV. Велизер. с. 38.

¹⁹ Пушкин А. С. Александр Радищев. — Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., 1949, с. 35—36.

²⁰ Кочеткова Н. Д. Изучение Радищева за рубежом. — Рус. лит., 1975, № 1, с. 183; см. также: Алагов М. А. Взгляды А. Н. Радищева на всеобщую историю. — Вестн. истории, 1953, № 2, с. 80.

²¹ См.: Белявский М. Т. Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.). — Вестн. Моск. ун-та, 1960, № 6. Серия IX, исторические науки, с. 26—50; Семеновский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. М., 1888.

цузами, в том числе Вольтером и Мармонтелем. Последний выступил убежденным и даже более последовательным противником крепостного права, чем Вольтер, полагавший, что государь не может освободить крестьян против воли помещиков.²²

Свой трактат, повторяющий и развивающий проповедь Велизария, Мармонтель сочинил, ободренный вниманием Екатерины. Во вступлении и заключении он раточал ей комплименты, но им не следует придавать большое значение, тем более что некоторые из них двусмысленны.²³ Трактат свой Мармонтель озаглавил «Рассуждение в защиту крестьян Севера», но говорил только о русских крепостных. Французский писатель сурово и темпераментно критиковал российскую действительность. «Рассуждение», одно из немногих выдающихся произведений Мармонтеля, Екатерине не понравилось и в России опубликовано не было. Трактат этот, напечатанный в журнале «Les ephémérides du Citoyen» (1768), затем переиздавался в собраниях сочинений писателя. «Рассуждение» привлекло всеобщий интерес; можно предположить, что и Радищев, в то время изучавший в Германии право и знакомившийся с литературной деятельностью просветителей, мог заинтересоваться сочинением о положении крестьян в России.

«Рассуждение» построено на договорной теории происхождения государства, которое должно покоиться «на справедливых и равных для всех законах».²⁴ Но особую для нас ценность представляют не эти общие места, равно как и не положительная программа Мармонтеля (предоставление крестьянам личной свободы и права владеть землей, замена старинной барщины легким оброком, учреждение «разъездных судов» и т. п.). Гораздо интереснее в «Рассуждении» едкая критика помещичьей идеологии и морали, образное описание тяжелой жизни крепостных. Само построение речи, проникнутое обличительным и ораторским пафосом, своей логикой и фразеологией не случайно напоминает отдельные страницы «Путешествия».

²² См.: *Беляевский М. Т.* Французские просветители и конкурс о собственности... с. 48.

²³ Н. М. Карамзин в статье «О Богдановиче и его сочинениях» отметил, что поэт «перевел также все лучшие французские стихи, написанные в честь Екатерины, Вольтеровы, Мармонтелевы и проч. Сии поэты умели хвалить Великую языком благородным». Карамзин приводил пример того, как Богданович «заставляет говорить Мармонтеля на русском языке», причем заключительная строфа цитируемого стихотворения ставит под сомнение все ей предшествующие:

Являй всегда твоей величество души
И славных дел своих начатки соверши!
Счастливому в твоём владении народу
Осталось иметь едину лишь свободу.

(*Карамзин Н. М.* Избр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1964, с. 223—224).

²⁴ Discours en faveur des paysans du Nord.— In: *Oeuvres complètes de Marmontel*, de l'Académie française, vol. X. Nouvelle éd. Paris, 1819, p. 50.

Из русских летописей и других источников, писал Мармонтель, известно, что наиболее человеколюбивые правители России так или иначе сознавали важность соблюдения общественного договора, особенно Петр, предоставивший простым людям возможность своими заслугами достигать видных степеней в государстве; но кичливое наследственное дворянство свело на нет его усилия.²⁵ Крестьяне — класс, «питающий и обогащающий государство» а между тем законы «доводят земледельца до отчаяния», земля же принадлежит «самым праздным, самым бесполезным и самым презренным людям».²⁶ Жестокосердие этих людей не знает пределов; «гордость наследственного деспотизма сделала их нечувствительными к призыву возмущенной и страждущей природы, к человеческим слезам». Непомерно большую дань, взимаемую с крестьянина, помещик приносит «в жертву прихоти и тщеславия»; помещик «держит у себя в услужении целую свору праздных людей и плоды, получаемые им с деревень, с прямым убытком для государства идут на то, чтобы кормить всю эту свору угодников и развлекателей господина».²⁷ Крестьяне задают себе горестный вопрос: «На кого мы работаем? — Что поможет нам сберечь накопленное добро? — Угнетатель уже сторожит свою добычу. То мало, что мы могли бы получить, будет у нас отнято».²⁸

Далее следует гневное обращение Мармонтеля к русским помещикам, могущее напомнить близкие ему по стилю тирады героя-рассказчика в «Путешествии». Дворянин счастлив в «праве угнетать себе подобных»; «он перестает быть человеком, и именно его нужно посадить на цепь». «Собственность, говорите вы, предполагает свободу распоряжаться ею; я же владею рабами. — Жестокосердые! и что же вы вольны сделать с ними? Лишить их жизни? Но тогда вы тигры. Отнять имущество? Тогда вы бандиты. Посягнуть на целомудрие и невинность их жен и дочерей? Тогда вы подлые и гнусные растлители».

Мармонтель обращался к помещикам с увещанием: «Опомнитесь, жестокосердые и высокомерные, народ, который вместо вас на плечах несет все тяготы жизни, глубоко сокрыв свои страдания и слезы, требует лишь, чтобы вы отдали ему ваши из

²⁵ Там же, с. 49—50. Подобная мысль в сходных и близких выражениях встречается и в «Путешествии» («Хотиллов»): «Известно вам из деяний отцов ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но державные их подвиги утцетилися, известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем, чиновостоянием, но ныне обетшавым и в презрение впавшим, дворянством наследственным» (I, 312—313).

²⁶ Discours en faveur..., р. 56, 59. Мы воспользовались и отрывочными переводами из «Рассуждения», приведенными М. Т. Белявским в его статье «Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.)», с. 41—50.

²⁷ Discours en faveur..., р. 67.

²⁸ Там же.

лишки». ²⁹ Но Мармонтель понимал, что дворяне не поступятся своей собственностью.

Попран общественный договор — гарантия не только против деспотизма, но и против анархии, поэтому крестьяне имеют естественное право как на индивидуальную, так и на коллективную защиту. «Гонители и гонимые в государстве — непримиримые враги»; так «из чрева угнетения повсюду рождаются мятежи». ³⁰ В законе нет места для крестьянина, но он может «восстать против этого закона, если ему в конце концов надоеет страдать». ³¹ Грядет бунт, и он будет ужасен: рабы «ожесточены несчастьями и запуганы страданиями, низость которых превратила их <...> в жестоких и бесчувственных людей <...>, не признающих иного права, кроме насилия, которым вы сами пользуетесь по отношению к ним». ³²

В конце концов из крестьянской среды исторгнется муж, который скажет своим сотоварищам: «Остановитесь, вспомните о своих правах и достойном приложении сил. Земля, которую вы увидели, появившись на свет, от вас отторгнута: законы лишили вас вашего общего наследства. Распахали ее вы, а владеют ею другие <...> Природа зовет вас разделить ее богатства, но тирания мешает вам, говоря: — Вы не люди; живите, как скоты, чтобы услужать мне и подчиняться мне. — О друзья мои! Разве справедливо, что вас уподобляют рабочей скотине? Разве справедливо, что вы трепещете пред вашими господами, вы, которые бестрепетно боретесь с вашими врагами? Ах! ваши враги — ваши хозяева, и за них-то вы готовы проливать кровь! Подумайте лучше о цене вашей крови. Ее лучше отдать, чтобы обрести свободу». ³³ Дворянам не удастся «задушить ростки чести и доблести» в народе; недалек день, когда в нем «оживут понятия благородства, равенства и свободы. Тогда пробьет час революции». ³⁴ Веллизарий в сходных выражениях высказывает аналогичные мысли.

О положении русских крестьян Радищев знал независимо от Мармонтеля и несравненно лучше его. Суждения Радищева, которым можно подобрать аналогии и параллели в произведениях французского писателя, обусловлены не литературным влиянием,

²⁹ Там же, с. 82. Соответствующая этой фразе сентенция Радищева красноречивее, ярче и образнее: «... опомнитесь заблудшие, смягчитесь жестокосердые; разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всецело уготованы, яко же и вы» (I, 313).

³⁰ Discours en faveur... , p. 51—52.

³¹ Там же, с. 59.

³² Там же, с. 86—87. Та же мысль у Радищева: «Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание, нам будет посул за нашу суровость и безчеловечие» (I, 320).

³³ Discours en faveur... , p. 74—75.

³⁴ Там же, с. 82

а действительностью. Но, оформляя их «под Мармонтеля», Радищев превращал их в «сигналы-пароли», рождающие определенные политические ассоциации, направляющие мысль читателей по нужному автору пути.

Принимаясь за реформы, Екатерина, хотя бы внешне, была согласна с Велизарием, что «земля долженствует питать тех, коими уработывается <...> Естли от плодов трудной и непрестанной их работы не оставляют им более, как токмо самое бедное пропитание, то будут они не сочлены уже государства, но рабы и невольники»,³⁵ а между тем, указывает Радищев, «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них непознаем сограждан нам равных, забыли в них человека» (I, 313). «... те, кои его (хлеб, — Д. III.) производят, считаются на равне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду» (I, 326). Екатерина вместе с Велизарием собиралась опровергнуть «сии вельможных людей правила», состоящие в том, «что будто человеческий род для малого токмо числа людей и живет и что для них токмо сотворена вселенная»;³⁶ но ничего не опровергла; и вот пришел черед Радищева, вещающего от имени народа: «Мы постараемся опровергнуть теперь, сии зверския властителей правила, яко же их опровергали некогда, предшественники наши, деяниями своими неуспешно» (I, 315).

Мармонтель риторически вопрошал благосклонно внимавшую ему государыню: «Каким же теперь образом хочешь ты, чтоб толикою лютостию мучимый народ любил подавляющее его иго? Могут ли они думать, что связываются еще какою-либо пользою или должностию с толь жестокосердыми утеснителями?»³⁷ Екатерина не пожелала ответить на эти вопросы, и Радищев ставит их вновь, но уже не перед самодержицей, а перед всем человечеством: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, назваться блаженными? Можноли назвать блаженным, гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен» (I, 315). Мармонтель предупреждал Екатерину, что «такое состояние сделается» крестьянам «ненавистно и несносно <...> Самое первое бедностию и отчаянием исторгаемое роптание становится началом бунта и нарушения верности».³⁸ Россия в царствование Екатерины пережила пугачевщину; Радищев предсказывал новый крестьянский мятеж.

Особенно много «сигналов-паролей», возможно, ориентированных на Мармонтеля, в «Сне» (гл. «Спасская Полесь») — злейшей политической сатире на самодержавное правление Екатерины. Высказано предположение,³⁹ что литературным источником

³⁵ Велизер. . . , с. 161.

³⁶ Там же, с. 158.

³⁷ Там же, с. 146—147.

³⁸ Там же.

³⁹ *Коплан Б.* Философические письма «Почты духов» (1789). — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 385—392.

«Сна» Радищеву послужили сатиры-аллегории Луи-Себастьяна Мерсье, французского писателя радикально-республиканской направленности, сочинения которого пользовались успехом у русских вольтерьянцев и многократно переводились на наш язык. Радищевскому сюжету ближе всего сатира Мерсье, озаглавленная «Сон пятый. О царствовании и варварстве» («De la Royauté et de la Tyrannie»). Радищев, несомненно, был знаком с сатирами Мерсье и, возможно, учитывал в своем творчестве его художественный опыт, но сближения, произведенные Б. Копланом, не представляются достаточно убедительными. «Сон» Мерсье остался у Радищева в той же поэтической форме «сна»,⁴⁰ утверждает исследователь, но почему же «сон» именно Мерсье? Сатирические «сны» наряду с баснями и правоучительными притчами — распространенный литературный жанр эпохи Просвещения.⁴¹ К нему обращались не только Радищев и Мерсье, но и Крылов, и тот же Мармонтель, с точки зрения современников, писатель более авторитетный, стоящий на более высокой ступени литературной иерархии, чем Мерсье. В частности, не исключено, что «Велизарий», опубликованный в 1767 г., оказал влияние на «Сны» Мерсье, вышедшие годом позже (в сборнике «*Songes philosophique*»). Сноvideц Мерсье, подобно Велизарю, «был беден, шатался, бегал, облечен был в худые одежды, не имея пристанища, ниже хлеба, то проходил <...> через великие города, то чрез разоренные деревни», как и Велизарий, «в сем низком состоянии размышлял <...> о должности монаршей и думал, каким образом учинить народу блаженным»,⁴² и т. п. Картины разумного царствования и тиранства, виденные молодым князем у Мерсье, более напоминают именно роман Мармонтеля, чем книгу Радищева.

Героиня «Сна» Мерсье, женщина-богиня, олицетворяет «добродетельное царствование», Прямовзора же у Радищева выполняет иные образные функции. Правда, в другой сатире Мерсье, в которой никто снов не видит, указывает Б. Коплан, изображен похожий на Прямовзору Алетофил — юноша, любящий истину, пишущий свои откровения в бедной хижине, но у Радищева нет никакого Алетофила, действие происходит не в хижине, а во дворце, и ни Прямовзора, ни царь ничего не пишут. Вообще персонификация отвлеченных философских и моральных понятий — Разума, Истины, Добродетели и т. п. — штамп в литературе классицизма всех стран.

И Радищев, и Мерсье сравнивают тиранов (в том числе «просвященных») с лютыми тиграми, но это — не особенность стиля

⁴⁰ Там же, с. 392.

⁴¹ См.: Сенников Г. И. О сатирических «снах» в русской литературе XVIII века. — В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века, вып. 1. Л., 1974, с. 66—74.

⁴² См.: Коплан Б. Философические письма «Почты духов» (1789), с. 389—390.

только этих двух писателей. Сравнение героев и тиранов с хищными зверями — львами и тиграми — общее место французской просветительской публицистики. Этот метафорический прием тонко обыграл А. С. Пушкин в статье «Александр Радищев», писавший о нем: «Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра».⁴³ Подобные метафоры любил и Мармонтель: в «Рассуждении» он называл тиграми русских помещиков. Проповеди Велизария, обращенной к государям, в романе Мармонтеля предшествует мелодраматическая сцена встречи ослепленного старца с его супругой Антониной, тут же умирающей с горя. Антонина проклинает «власть тигров», так люто расправившихся с ее мужем: «Чудовища! вот чем его наградили! <...> Его преступление в том состоит, что он сохранил им ненавистную власть мучительства <...> Какое зверство! какая ужасная подлость! <...> Двор мерзостями наполненной! Совет из тигров составленной! <...> О боже! таково ли твое правосудие? Зришь ли, кого утеснить попускаешь, и кого оставляешь благоденствовать».⁴⁴ Почти так же литературно оформленный вопль души автора предваряет и «Сон» в «Спасской Полести»: «О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце <...> Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикия производилися жестокости? <...> О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они крестятся во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущие казни, усугубил бы казнь настоящую» (I, 247—248).

Мармонтель писал Екатерине 12 сентября 1767 г.: «Перевод Велизария на русский язык <...> это <...> памятник, сооруженный царской власти. Ни при одном дворе в мире истине не было оказано подобного почета».⁴⁵ Последний абзац главы «Спасская Польша» — тоже обращение к Екатерине — прямо отрицает это утверждение: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбаешься с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается» (I, 257). Мармонтель писал Екатерине 7 октября 1768 г. о своем стремлении в главе IX «Велизария» «доказать царям, что их могущество, их величие, их слава требуют, чтоб они были справедливы, и что они становятся самыми зависимыми, самыми несчастными из невольников, как только допущено страстям занять место законов».⁴⁶ Это и происходит с царем в радищевском «Сне».

⁴³ Пушкин А. С. Александр Радищев, с. 34.

⁴⁴ Велизер. ... с. 61—62.

⁴⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 10, с. 80.

⁴⁶ См.: Щабельский П. К. Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 49.

Условно-фантастические сцены в романе Мармонтеля — назидания нищего слепца переодетому в бедное платье императору — и осмысляются французским писателем как литературная условность, аллегория. Так возникает тема «Сна». Юстиниану, а с ним и Тиверию, мнится, что Велизарий привиделся им во сне: «Сновидение сие весьма изрядное, сказал Юстиниан». ⁴⁷ Велизарий подобно Прямовзору помогает императору прозреть: «Юстиниан <...> пришел к нему с прошением, чтоб раздрал он завесу, скрывавшую от него столь долго государственные болезни». ⁴⁸ Но такое возможно, разумеется, только во сне. «Не бывали ли вы, — говорит Юстиниан, — мысленно никогда <...> при дворе кесарей Тита, Траяна и Антонинов в самое то время, когда они при начинании дня к вельможам своим выходили? Сие сновидение очень часто наяву со мною случается, и оно меня услаждает несказанно. Я вижу себя тогда в середине собравшихся ко двору чиновных людей; все они государю своему истинные и нелицемерные друзья; он сам веселым лицом и милостивым оком взирает на сие честных и добродетельных мужей собрание, распространяет на них лучи славы своея, обходитя с ними, смешивая с величеством дружеское приятство, и наполняет души их тою непорочною радостью, которую чувствует сердце самого его благополучными других делающего». ⁴⁹

У Радищева подобное же «сновидение» разрастается в сатирические картины большой художественной силы. Велизарий восклицает: «О колико мало знает государь свои выгоды и свою должность, естли дозволит приблизиться к себе скуке!» ⁵⁰ Радищевский царь, «чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе» своей, «от насыщающего скоро единообразия происходящую <...> долг отдал естеству, и рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души» его, и т. п. (I, 249). Далее следуют комические сцены, пародийно снижающие высокую тему «милостивого монарха», предложенную Мармонтелем.

Велизарий говорит: «Но, исключая редкие случаи, в которые любовь народная ясно оказывается, какой государь осмелится польститься, что она искренняя и единоплебная? В самое то время, как дворец его наполнен радостного восклицания, кто уверит его, что во всех областях, принадлежащих ему, ни при дверях судейских, ни в хижине земледельца не слышно стенания? Празднества их суть выдуманные обманы, и похвалы их нарочно повеленные <...> Тиранин, погружаясь в любострастии упоеняется похвалами ласкателей своих». ⁵¹ Так и происходит в «Сне» Радищева: «При всяком моем изречении все предстоящие восклица-

⁴⁷ Велизер... с. 208.

⁴⁸ Там же, с. 133.

⁴⁹ Там же, с. 237—238.

⁵⁰ Там же, с. 203—204.

⁵¹ Там же, с. 96.

ли радостно и плескание рук нетокмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль» (I, 251). «Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами» (I, 250). По этому поводу Прямовзора предостерегает царя от «словес ласкательства, ядовитые пары издыхающих», благодаря которым уши его «невозмутятся стенанием» (I, 253).

Велизарий осуждает «самонравную милость» царей, говоря: «Самое приятное для государя верховной власти употребление, есть то, что может по своему благоизволению жаловать милости и отличности. Побуждающая к тому склонность тем паче притягательна, что уподобляется добродейнию, и самой лучшей государю обманется, есть ли не остережется от прелести. Он видит только окружающих его; а все окружающее его повторяет ему непрестанно, что великость его состоит в его дворе, а сияние величества его происходит от обитающей в оном пышности, и что тогда токмо пользуется он своими правами, и лучшим из своих преимуществ, когда расточает милости, называемые его благодеяниями <...> Его благодеяниями, о праведный господи! истощение народа! ограбление бедных! Нет, сие от него весьма сокрыто. Одобрение, ласкательная угодность, и ложное вещей изображение окружают его. Бдение ласкателей, и его привычка неприметно обладают его склонностями. Он не видит слез, и не слышит вопля бедных воздыхающих от его великолепия. Он видит токмо радость, слышит желания превозносящих великолепие его придворных, навывает почитать оное добродетелью, и, не восходя к источникам расточаемых им сокровищ, щедр на них как бы на собственное свое имение <...> Самонравная милость есть всегда предзнаменованием худого правительства. <...> Там простывает ревность, приводится в забвение должность, ободряется бесстыдство, дерзновенно становится преступление, и все пороки своевольтва не боящегося наказания. Таково есть правительство, где самонравная милость владычествует».⁵²

Все эти безобразия имеют место при дворе радищевского царя. «...паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная, на государственные надобности, неможет лучше употребиться, как на вспоможение нищаго, на одяние нагаго, на прокормление алчущаго <...> Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстеца, на вероломнаго друга, на убийцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившаго мое пристрастие, на снисходящаго моим слабостям, на жену кичащуюся своим безстыдством. <...> Теперь ясно я видел, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставались в удел недостойным» (I, 256).

⁵² Там же, с. 118—119, 131.

Велизарий не жалеет крепких выражений, обличая царский двор, «наполненный происками», «такое смешение страстей, в котором и самая премудрость не может разобрать истины».⁵³ Он посрамляет придворных — «сих негодных ласкателей, сих низкосердых учтивцев», «вельможных наших разбойников», погрязших в «сребролюбии, суровости и тиранстве», чиновников, «с бесчеловечным самовластием по городам и уездам поступающих».⁵⁴ Прозревший благодаря проповеди Велизария император Юстиниан с ужасом видит наконец, что его окружают плохие люди: «Без суждения, сказал он им, империя в цветущем состоянии, ибо вы плаваете в изобилии. Без суждения она и благополучна, ибо вы живете в роскоши и праздности. Народы здесь почитаются за ничто, а двор составляет для вас всю империю».⁵⁵ Самовластный тиран оказался пленником «бесчеловечных начальников, кои владычество самого правосудного и кроткого государя, к сожалению, весьма часто нестерпимым делают. <...> Предписания своей собственной гордости, мздоимства и своенравия называют они его изволением <...>, так что государь, ни мало того не чая, становится чрез них язвою возлюбленного ему народа».⁵⁶

Ирония самой жизни в том, что тирады эти переводили те самые придворные, против кого и направлена была сатира Мармонтеля. Императрица же перевела суждения Велизария, касающиеся ее самой. Тиран «да трепещет, есть ли хотя на мгновение <...> перестанет льстить гордости или подкреплять своевольство опасных своих участников. Служа ему, они ему и грозят и в заплату послушания требуют упущения. И так, чтоб угнетать одну часть народа, делается он невольником другой, столь низок и подл с сообщниками своими, сколько пышен и суров с прочими своими подданными. Да стережется он неволить или обманывать в их ожидании те страсти, кои ему помогают. Он знает, сколько они люты, понеже для него они разрушили все союзы естества и человечества. Тигры, коих человек воспитывает для ловли, съедают своего господина, есть ли забудет он разделить с ними добычу: таково есть обязательство тиранов».⁵⁷ В «Спасской Полести» Прямовзора советует царю: «Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей, позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои,

⁵³ Там же, с. 125.

⁵⁴ Там же, с. 50, 145—146.

⁵⁵ Там же, с. 150. Последняя фраза приведенной цитаты, возможно, помогла Радищеву декоративно оформить его видение. С одной стороны, это царский двор: «Место моего возседения было из чистаго злата <...> С робким подобострастием, и взоры мои ловящи стояли вокруг престола моего чины государственные». С другой — это вся империя: «В некотором отдалении от престола моего, толпилось безчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан, различие их племени возведали» (I, 248—249).

⁵⁶ Велизер..., с. 148.

⁵⁷ Сочинения императрицы Екатерины II., т. V, с. 6.

и вход мне в твои чертоги воспреещающие» (I, 253). И царь видит: «Вся внутренность их казалась черною и сгораемую тусклым огнем ненасытности. Они металы на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. <...> Веление мое, или было совсем нарушено, обращая не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным онаго толкованием, и медлительным исполнением» (I, 254—255).

По учению Велизария, правосудный государь должен искать «награждения трудам своим в непорочном и внутреннем чувствовании милосердия, в утехе видеть себя человеколюбива, чувствительна, благодушна, напоследок достойна любви людской и взора предвечного».⁵⁸ Но таких государей Велизарию видеть не доводилось. И пред радищевским царем лежит книга «Закон милосердия», а льстецы говорят самодержцу: «Милосердие твое, Государь! есть образ всецедраго существа» (I, 251), но, оказывается, милосердие царя «сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия». «Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом» (I, 255).

Персонифицированная аллегория истины в романе Мармонтеля отсутствует, но «Велизарий» помогает глубже понять и образ Прямовзоры. В главе, которую переложил Екатерина, говорится следующее: «А истинна, которую должен искать государь, есть знание всех соображений, касающихся до человеческого блага <...> истинна есть мать добродетели. Надобно, без сомнения, быть мужественну, чтоб с нею предстать пред государей <...> Невольники его (государя, — Д. III.) от него ее скрывают».⁵⁹ В других главах Велизарий сетует: «Жалуются государи, якобы истинна от них бегаёт! Нет, друзья мои, она их ищет сквозь опасности оружия. Так не удобнее ли несказанно приближалась бы она к ним, есть ли бы они ей дозволяли сей свободный доступ? <...> Да как можно мудрому или герою найти приступ у самонравной милости? Может ли он снисходить до унижений, каких она от рабов своих требует? Твердая его душа может ли изгибаться по кривым стезям придворных? <...> Ему ли молчать и скрывать неприятное, а говорить угодное?».⁶⁰ Мысль Мармонтеля, что при дворе «самого полезного человека представляют человеком опасным», образно воплощена в «Сне». Истину придворные представляют царю «волхвом опаснейшим, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит», а сама Прямовзора жалуется: «Пребывание мое неест в чертогах царских. Стража обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные» (I, 252—253).

⁵⁸ Велизер. . . , с. 99—100.

⁵⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. . . , т. V, с. 10.

⁶⁰ Велизер. . . , с. 121—122, 163.

Велизарий желает, чтобы государи общались с народом и имели бы верных соратников из его среды: «Снисхождение государя есть притяжение истины. Невольники его от него ее скрывают; но простолюдин, хлебопашец, старой, грубой и простосердечной воиц, конечно от него не скроют. Ему слышан будет глас народной: наставник государей, полной судия достоинства и добродетели; а сей последуя, всегда доброе избрание бывает». ⁶¹ В том же духе высказывается и Прямовзор: «Ты познаеш верных своих подданных, которые в дали от тебя, не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно, и без пользы. Их призови себе в друзья» (I, 252—253). Мармонтель понимает, что в самодержавном государстве вероятность появления таких людей невелика: «Когда хотят, чтоб были великие души < . . > должно знатно обходиться с ними < . . > Ах! есть ли бы оно производило двух или трех великих людей в каждом веке, общество бы не жаловалось». ⁶² Радищев, говоря о государевом «друге искреннем», еще более категоричен: «Угости его вещаю, почти его, да возвратившись возможен он паче и паче глаголати нельстиво. Нотаковыя твердыя сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище» (I, 253—254).

Подобно Прямовзору Велизарий посрамляет императора, и тот вопит в умилении: «О добродетель!.. коль велика власть твоя! Бедный слепец из глубины несчастий своих впечатлевает царям почтение к нему! < . . > Великий боже! Есть ли бы вся вселенная увидела мое посрамление!». ⁶³ Ревет «яростью гнева» и прозревший радищевский царь и при этом кличет некоего старца, о котором ни до, ни после этого в «Путешествии» не говорится ни слова: «Прииди вещал я старцу, коего созерцал в крае обширныя моя области, кроющагося под заросшею мхом хижиною, прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму» (I, 257). Это «вещание» — намек на литературный источник, указание на то, какого именно царя имеет в виду автор-сатирик: того самого, что некогда призвал Велизария на Русь, т. е. Екатерину II. У Мармонтеля: «Так прииди, рек к нему (старцу, — Д. III.) император < . . > прииди, помоги мне, очиститися от сего моего беззакония; прииди и представь оное пред глазами неверного мне моего двора, в пристрашном и всескверном образе, каково оно в самой вещи есть; пускай твое присутствие приводит всякому на мысль мое посрамление». ⁶⁴ Сцена появления Велизария при дворе Юстиниана дает образный аналог «Сну» в «Спасской Полести»: «Бледность, стыд и ужас на-

⁶¹ Там же, с. 175—176.

⁶² Там же, с. 75.

⁶³ Там же, с. 278.

⁶⁴ Там же, с. 279—280.

чертаны были на лице всех окружающих царя. Они на Велисария глядели как на неумолимого судию, как на некое божество страшное и грозное». ⁶⁵

В романе Мармонтеля можно подыскать и немало других текстуальных параллелей «Путешествию» Радищева. Но, может быть, эти сюжетные, композиционные и образные совпадения — чисто внешние, мнимые, не составляющие научной проблемы? Быть может, это неизбежные «общие места», просветительские литературные клише, наличие которых не позволяет сделать никаких исторических и филологических выводов? Но тогда нужно признать, что великая книга замечательного русского писателя на добрую четверть состоит из общих мест, а это допущение неправомерно и обидно для его памяти. Вообще следует помнить, что идейные и литературные штампы, ставшие таковыми от долгого использования в одной национальной литературе, каким-либо образом попав в произведение инонационального писателя, в другой национально-исторической обстановке могут наполниться свежим и глубоким общественным содержанием, получить новый смысл. Так и случилось с идеями французских, немецких и английских просветителей в творчестве Радищева. В этом смысле места, общие в «Путешествии» и «Велизарии», не являются «общими местами» — они выполняют в сочинении русского писателя важную функциональную и структурную роль.

Г. А. Гуковский справедливо указывал, что «при изучении Радищева как писателя в первую очередь приходится ставить вопрос не столько о том, что и у кого он брал, сколько о том, что он создал из тех материалов, которые он собрал». ⁶⁶ Идеи и образы «Велизария», в той или иной форме использованные в художественно-композиционной структуре «Путешествия», понадобились Радищеву для осуществления его литературно-политического замысла. Использование скрытых и переименованных цитат из Мармонтеля служит целям сатирическим, пародийно-полемиическим. Современники, по замыслу Радищева, должны были угадывать намеки, соотнося книжный текст с историческим контекстом. Радищев блестяще владеет так называемой сократовской иронией, заставляя своего героя-рассказчика высказывать будто бы очевидные просветительские истины, а затем показывая их ограниченность на фоне русской действительности. Тогда благородные и возвышенные изречения Велизария обретают значение, противоположное их буквальному смыслу: происходит пародийно-ироническое «снятие» высокой темы. Вместе с тем французский роман — не объект художественного влияния на «Путешествие». Русский писатель воспользовался «Велизарием» как одним из средств в литературной полемике с самодержавием.

⁶⁵ Там же, с. 282.

⁶⁶ Гуковский Г. Радищев как писатель, с. 161.